

7-90

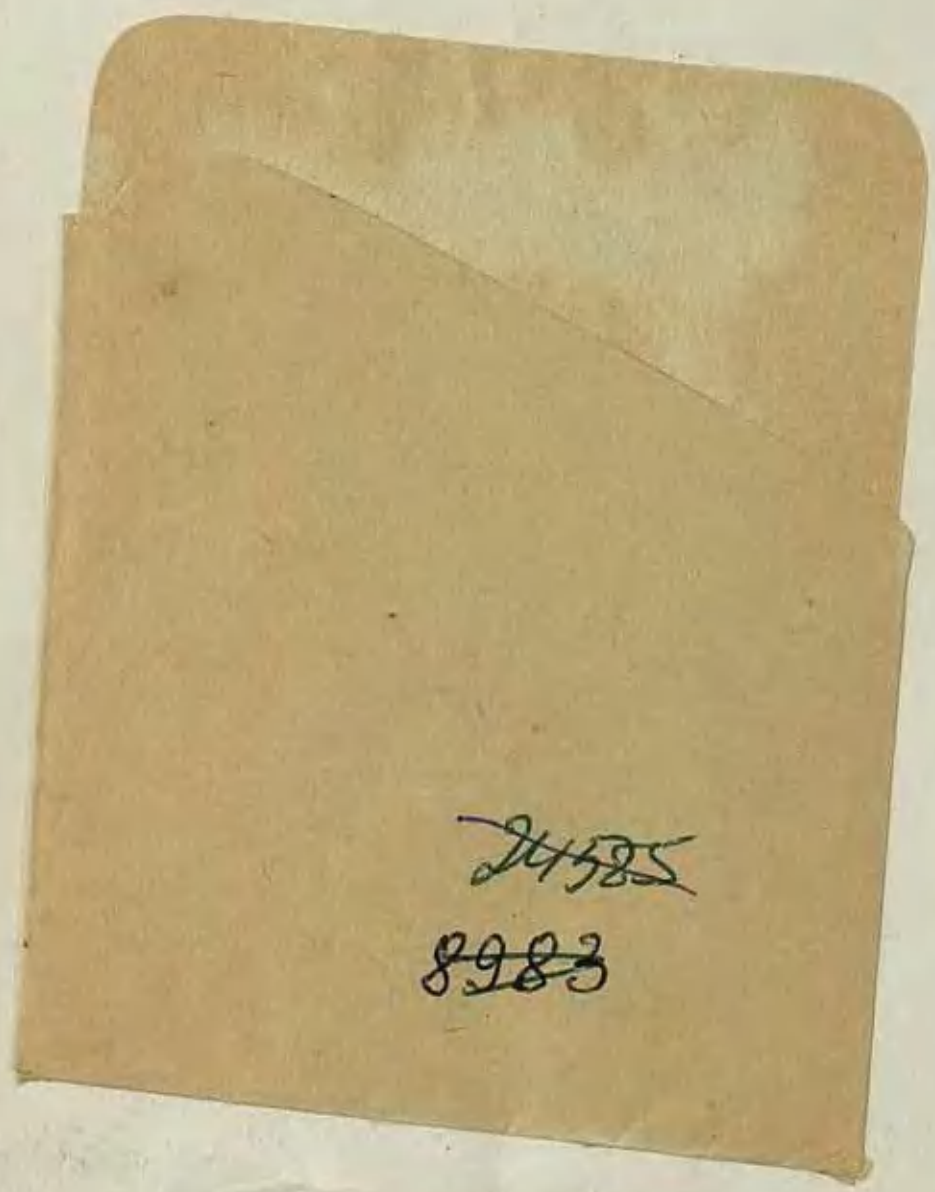
СКАЗКА

ЖИЗНИ

ДЕТГКЗ 1950

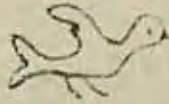
11

24525

8983

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА для нерусских школ

СКАЗКА ЖИЗНИ

ХАНТЫЙСКИЕ СКАЗКИ

ЗАПИСЬ и ОБРАБОТКА
В. ПУХНАЧЕВА

РИСУНКИ В. ТАУБЕРА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА 1960 ЛЕНИНГРАД

28024
24585

Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР просит учителей нерусских школ сообщить свои отзывы о данной книге по адресу: Москва 47, ул. Горького, 43, Дом детской книги.

88948
8888

695292 КХ ред

Российская государственная
детская библиотека

Велика́ и необъятна на́ша сове́тская Сиби́рь — край вели́чественной и суро́вой приро́ды. Безбре́жная тайга́, могучие ре́ки, о́зеро-мо́ре Байка́л, высо́кие хребты́ Сая́нов и голубо́й Алта́й, кладова́я угля́ и мета́лла Кузба́сс — всё́ это Сиби́рь.

До́лгие столе́тия Сиби́рь была́ ди́ким кра́ем, ме́стом ссы́лки и ка́торги; сюда́ ссыла́ли революционе́ров — люде́й, боро́вшихся за свобо́ду и сча́стье наро́да.

Но то стра́шное вре́мя навсегда́ прошло́. Сейча́с на́ша Сиби́рь — цвету́щий край, сове́тские лю́ди постро́или там но́вые заво́ды и фа́брики, ша́хты и электроста́нции, бога́тые колхо́зы и совхо́зы.

В Сиби́ри дру́жно живу́т и тру́дятся наро́ды мно́гих национа́льностей — ру́сские и укра́инцы, горно-алта́йцы и шо́рцы, эве́нки и ха́нты. Сиби́ряки́ — хоро́шие охотники, следопы́ты и ме́ткие стрелки́. Осóбенно мно́го замеча́тельных охотников живёт по берега́м реки́ Ты́ма — прито́ка О́би.

Бы́стро бежи́т Тым, извива́ясь по бескра́йной тайге́; на ка́ждом поворо́те реки́ — песча́ная о́тмель, и рас-

стояние там счита́ют от о́тмели до о́тмели. Говоря́т: «Про́ехал де́сять песко́в», и э́то мо́жет быть и два́дцать и три́дцать киломе́тров.

На реке́ Тым с да́вних пор живёт плéмя ты́мских ха́нтов — иску́сных охóтников.

Ха́нты, как и все сове́тские лю́ди, тепе́рь живу́т но́вой, счастли́вой жи́знию, о кото́рой в стра́шную по́ру ца́ризма онí могли́ мечта́ть то́лько в свои́х ска́зках. В наро́де и сейча́с мно́го чуде́сных ска́зок. В них воспева́ются по́двиги сме́лых люде́й, дру́жба, че́стность и осме́иваются лень и тру́сость. Появля́ются но́вые ска́зки, пока́зывающие заро́ждение но́вой жи́зни.

В э́той кни́жке напеча́таны три ска́зки.

«Ска́зка жи́зни» пока́зывает тяжё́лую по́ру, когда́ ха́нты жи́ли в бе́дности, терпе́ли нужду́ и го́лод. Луч́шая жизнь на́стала то́лько по́сле Октяб́ря, когда́ все лю́ди у нас ста́ли свобóдны.

Ска́зка «И́дэ» расска́зывает о том, как ма́льчик поборо́л свою́ тру́сость, а ска́зка «Маченка́т» — о гостепри́имстве и си́ле дру́жбы.

В до́лгие вечера́ на охóтничьих станóвищах у костро́в под шум тайги́ и журча́нье весёлого Ты́ма запи́саны э́ти ска́зки для вас, ребя́та.

В. Пухначёв

СКАЗКА ЖИЗНИ

Это было в то время, когда тайга была совсем глухой и дикой. Тогда от края до края в ней не было ни путей, ни дорог. Куда ни пойдёшь — везде болота да буреломы.

Одни были дороги в тайге — реки. Да охотничьи тропы кружили за зверем.

В весеннюю пору даже птицы летели к своим гнёздовьям, к морю, над реками. Они боялись потеряться над тайгой — такая она была большая и дикая. И люди тоже селились по берегам таёжных рек.

Мало, очень мало было людей в этом крае, и плохо жили они. Люди не знали тогда, как строить дома, и ютились в берестяных чумах. От дыма костра в жилище слепли их глаза, от холода мерзли тела, от голода было тоскливо старым и малым.

Тогда таёжных людей не называли хорошим именем — ханты. Дурные люди кричали им: «Остяки!»

Но ханты были добрый народ. Они ходили в тайгу, добывали медведя и лося, белку и лисицу. Целый день мог идти хант по тайге по следу зверя. Один встречал он в лесу медведя. Много звериных шкур добывали смелые охотники — ханты, но как плохо они жили! Одевались в звериные шкуры, ели мясо диких зверей и сырую рыбу.

Хорошо жили люди, которым белый царь дал власть и большие пушки.

Они отнимали у хантов обманом и силой голубые шкурки белок и бурые шкуры медведей, жирных осетров и сладкую стерлядь.

С каждой новой зимой всё меньше становилось в тайге смелых охотников. Они мало видели над собой солнца и умирали от страшных болезней. Ханты думали: скоро для всех наступит чёрная ночь и в тайге, над коричневыми реками, не будет виться дым охотничьих костров.

Так было в тайге от края до края.

Там, где тёмная река уходила с верховьев от песка к песку, в холодную осеннюю пору у бедного чума сидел маленький хант.

Худая шубка-малица покрывала тощее тело, на ногах были старые чижы¹. Ничего ему не осталось от

¹ Чижы — меховая обувь.

отца с матерью. С той поры как ушли они промылять зверя к верховьям реки, прошло тридцать лун. Не вернулись ни отец, ни мать. Остался маленький хант сиротой. Жил он со старым дедушкой в берестяном чуме.

В ясные тихие дни садился старый человек в лодку и добывал сколько мог рыбы. Снасти у него были плохие, и хитрая рыба редко ловилась на них. Маленький хант стрелял из старого ружья птицу, прилетавшую на озера, ставил ловушки на мелкого зверя.

Луны сменялись лунами. Снасти совсем порвались, и мало осталось пороха и свинца для ружья у деда и внука.

Все люди, казалось, забыли о них. В очаге у берестяного чума всегда тлел огонь, только нечего было варить в большом чугунном котле, висевшем над костром у входа в чум.

Старик лежал на лосиных шкурах и всё говорил:

— Очень плохой стал. Жизнь совсем пропала... Хоть бы приехал купец Стёпка или поп Иван! Но зачем к нам приедет купец Стёпка или поп Иван, когда с нас нечего взять? Ни шкур, ни рыбы у нас нет.

Маленький хант ни разу не видел ни купца, ни попа. Он спрашивал:

— Почему с нас что-нибудь надо взять? Какой это купец Стёпка, дедушка?

— Как тебе лучше рассказать... — кряхтел старый человек. — Купец Стёпка всю жизнь обирал меня. Я был тогда молодой и сильный. Я догонял на лыжах

самого быстрого лоса. Ни одна белка не уходила от меня. Я добывал много шкур разных зверей. Но я был таким же бедным, как сейчас. Ты, может быть, спросишь почему?.. Ты видел птицу-кедровку? Плохая птица! Она выбирает все орехи из дупла у белки и бурндука. Она обворует кого хочешь, лишь бы ей хорошо жилось. Вот такой, как кедровка, и Стёпка-купец.

Маленький хант знал жирную вертлявую кедровку, и Стёпку-купца он представил себе таким же.

— Он к нам сейчас не придёт, — сказал опять старик: — у нас с тобой нет ни соболей, ни белок. Если бы у нас были шкуры, купец привёз бы сюда гнилой муки и водки пополам с табаком. Он напоил бы старика пьяным, забрал бы все шкуры и уехал. Чтобы совсем не пропал хант, Стёпка оставит муки на лепёшки, немножко пороха и свинца — пусть стреляет зверя. На будущий год опять придёт купец, заберёт все шкуры, увезёт их в большое селенье, где много каменных чумов, и продаст за много-много денег...

Но ты совсем не знаешь попа Ивана. Поп говорит: «Если будешь плохо жить на земле, хорошо будет на небе».

Ты видел ворону? Плохая птица! Она всем кричит про худое, как поп Иван. Нахóхлится и кáркает: «Плохо, плохо». Пока думают другие птицы, что плохо, она успеет украсть что-нибудь.

Ты многого не знаешь. Ты никогда не видел урядника. У него большой кривой нож-сабля, привешенный

сбоку. С друго́го бо́ка у него́ ма́ленькая пу́шка. Пья́ный уря́дник ниче́го не приво́зит: ни во́дки, ни това́ру, — у него́ нет ниче́го, кро́ме кулако́в. Но он то́же берёт шку́ры. И когда́ их нет, он бо́льно дерётся. Ты ви́дел ко́ршуна? Вот тако́й злой уря́дник!..

Ма́ленький хант знал и кедро́вку, и воро́ну, и ко́ршуна — это́ бы́ли злы́е, скве́рные пти́цы. И купе́ц Стёпка, и поп Ива́н, и уря́дник то́же бы́ли как скве́рные пти́цы.

— Но ты ещё́ ни ра́зу не ви́дел шамана́. Он пуга́ет злы́ми ду́хами и то́же берёт шку́ры. Шаман ещё́ ху́же по́па Ива́на.

Я про́жил жизнь и всё по́нял, и мне ниче́го не стра́шно. А как бу́дешь жить ты, когда́ я умру́? Ты же ещё́ ма́ленький. Без меня́ ты пропаде́шь, е́сли к нам никто́ не прие́дет. Далеко́ отсю́да есть ру́сские селе́нья, там то́же есть бе́дные лю́ди. Е́сли бы ты мог добра́ться до них и рассказа́ть им!.. Когда́ я был молодо́й, я пла́вал к большо́й реке́. Это сто песко́в отсю́да. Где тебе́ одному́ добра́ться туда́! Ско́ро зима́, и я, наве́рное, умру́. Ты оди́н сяде́шь в ло́дку и, пока́ не уда́рил моро́з и не пришла́ зима́, поплыве́шь вниз по реке́ к большо́м селе́ням.

Ма́ленькому ханту́ бы́ло стра́шно от э́тих слов. Ему́ каза́лось, что все че́рные си́лы тайги́, злы́е ду́хи и сви́ре́пый медве́дь то́лько и ждут, когда́ не ста́нет ста́рого ханта́. Тогда́ на зе́млю ля́жет то́лстой шку́рой снег и закро́ет неподви́жного де́душку и заморо́зит его́, ма́ленького ханта́.

— Но ты должен быть смелым, как наш богатырь Ёгте, как твой отец-охотник. На свете больше смелых, хороших людей, чем плохих... Пройшой луной здесь проплыл один русский. Он говорил, что в наш край урядники привезли Великого Человека, который громко, на всю землю, чтобы слышали все люди, сказал: «Пусть тот, кто добывает белку, кто ловит рыбу и строит большие города, владеет всем». Он сказал, чтобы не было купца, и урядника, и самого царя тоже. Чтобы он испугался и замолчал, его привезли сюда.

Но Великий Человек не боится царя. Он родился в крае, где высокие горы. Там летают смелые орлы. Этот человек — сам орёл. У него взгляд орла и крылья орла. Он добр к бедным и гневен к богатым. Его слова понятны и ханту и русскому — так ясно говорит он. Его слышат люди всей земли. Вот если бы ты увидел его! Может быть, ты найдёшь Великого Человека. Ты будешь смелым и поедешь вниз по реке...

Мальчик лежал тихо, прижавшись к старику.

Нет, он ничего не будет бояться. Он станет поддерживать огонь в костре. Зарядит порохом и свинцом ружье. Он убьёт любого зверя. Пусть только живёт старый дедушка!

Из последних запасов муки маленький хант замешивал тесто и жарил на палочках лепёшки для старика. А дедушке становилось всё хуже и хуже, и теперь он лежал не вставая.

Мальчик прижимался к нему и не чувствовал тепла. Так проводили они долгие осенние ночи.

Когда скрывалось солнце и наступала ночь, вокруг чума всё становилось другим. Чуть светился у входа огонь костра. К ночи на вершины деревьев прилетали невиданные птицы. Где-то глухо ревел медведь. Может быть, он подкрадывался к чуму?

Маленький хант плотно прижимал к себе старое ружье. Медленно тянулись ночи. А по утрам всё холоднее горели зори, и всё меньше становилось тепла в теле старого ханта.

Однажды днём старик затих. Мальчик закричал:
— Дедушка, дедушка!

Но старик ничего не ответил. Он был мёртв.

Теперь совсем плохо стало маленькому ханту. Он не помнил, как ещё три раза всходило солнце, как он похоронил дедушку у обрыва над рекой. Он был теперь один.

Гасли и зажигались зори в небе. Солнце сменяла луна, и день сменял ночь.

У него не оставалось даже плохой муки. Он поймал немного рыбы. Прилетали птицы, но он не мог стрелять — так мало было пороха и свинца.

В холодный осенний вечер он сидел у костра и плакал. Он не замечал уходящего солнца и яркой зари, от которой горели красным цветом осины и желтели берёзы.

Он не видел, как на реке показалась лёгкая лодка, в которой сидел человек, ловко управлявший веслом, как лодка пристала к берегу и человек, легко ступив на землю, тихо подошёл к нему.

— О чём ты плачешь, мальчик? — склонившись к нему, спросил человек. — Кто тебя обидел? Почему ты один?

Тут маленький хант сквозь слёзы взглянул на человека. Он был невысок ростом. Лёгкая меховая куртка была накинута на плечи. Обут он был в простые сапоги. Видно, человек собрался в далёкий путь. Мальчик поднял голову и увидел ласковые и смелые карие глаза. Какие это были хорошие глаза! Они глядели, тепло улыбаясь, на ханта. Светлое лицо с ясным лбом и волнистые чёрные волосы — всё было необычно в этом человеке.

Маленький хант никогда не видел такого открытого лица. А этот говор не похож на все, что он слышал.

— Почему ты плачешь, малыш? — повторил свой вопрос человек. — Кто обидел тебя? — Глаза его сверкнули гневом.

И слёзы ханта высохли. Это был не сон. Перед ним стоял Великий Человек — горный орёл.

Над северным краем плыла прозрачная ночь. В реке отражались далёкие звёзды. Тихонько шумела тайга. И заря уходила от заката к востоку. А они сидели у костра, и мальчик, прижавшись к Великому Человеку, рассказывал ему о своей короткой, как полёт стрелы, жизни.

Человек слушал всё от слова до слова и ласково гладил мальчика по голове. Потом он заговорил сам — о неведомых далёких краях, где нет тайги и земля гладка, как уснувший Тым; где растёт хлеб, из которого

пекёт лепёшки; о зёмлях, где обрываётся бёрег и большая вода, которую называют морем, уходит далеко-далекó от глаз; о вѣчных песках в пустынях, где нет ни тайги, ни воды; о краях, где горы поднялись до неба, а на вершинах лежит вѣчный снег и только орлы поднимаются выше тех гор; о вечнозелёных, цветущих долинах, где реки прозрачны, как небо, и быстры, как птицы; о больших городах, где люди живут в каменных чумах.

— ...И всюду, мальчик, — сказал он, — живут разные люди: русские и ханты, грузины и украинцы, туркмены и белорусы. И всюду есть такие малыши, как ты. Это большая страна — Россия. И всюду богатые: царь, купец, поп и урядник — отнимают у бедных людей шкурки белок, хлеб и сладкие плоды. Ты не один, маленький хант. Все бедные люди — братья. И все народы — братья. И когда люди поймут это, они поднимутся дружно и отнимут у богатых всё, что они взяли у хороших людей. И охотники, и рыбаки, и те, кто сеет хлеб и строит каменные чумы, будут жить дружно и всё делать для себя. У богатых отнимут и оружие, чтобы они не могли стрелять в бедных людей. Но богатые не захотят отдать всё, что они захватили. Бедные люди должны взять у них всё богатство силой. Они должны собраться вместе, должны бороться за своё счастье. Тогда на всей земле будет радостная жизнь. И ты, малыш, когда подрастёшь, тоже будешь бороться за счастье народа. За то, чтобы над вашим краем всегда светило солнце.

Так говорил он. Костёр чуть дымился, ночь подходила к концу. Бледнее светили далёкие звёзды. Всё ярче, как кисти рябины, горела заря на востоке. Розовый отсвет её загорелся в реке, и словно огнём запылала вода. Солнечный луч скользнул по вершинам кедров и сосен. Солнце взошло над широкой тайгой, над морем, над маленьким хантом. Он стоял рядом с Человеком и держался за его тёплую руку.

И Великий Человек сказал:

— Вот и кончилась ночь. Вот он, рассвет и ясное солнце. Это солнце будет сиять для нас, мальчик.

Маленький хант смотрел на Великого Человека, освещённого солнцем, которое отражалось в его смелых глазах.

Они прожили несколько дней на берегу быстрой реки, делая запасы на длинную дорогу. Ночами на лодке разжигали смолистые корни в жаровне и с огнём ловили рыбу. Утром стреляли перелётных птиц, собирали в дорогу орехи. Великий Человек всё делал умело.

Когда накопили запасы, ясным утром маленький хант потушил костёр у одинокого чума. Они положили в лёгкую лодку звериные шкурки и старое, верное ружьё.

А потом маленький хант поплыл с Великим Человеком к далёким селеньям, где жили ханты.

Не одна ночь сменялась днём, пока добрались они до большой реки, где на крутом берегу стояло много чумов.

Здесь Великий Человек передал маленького ханта доброй женщине. Она приняла мальчика, будто сына.

А утром, когда снова горела заря и первые лучи солнца пробежали по дальнему бору, по простору большой реки, Великий Человек уплыл на быстрой лодке вперёд.

Он шёл против течения, сильно и легко разрезая упрямые волны.

А маленький хант долго смотрел вслед ему, идущему по бурной реке навстречу солнцу.

38024

24585

695292

Российская государственная
детская библиотека

24585

8983

И Д Э

Идэ маленький был, когда сиротой остался. Мать умерла в тот год, как Идэ родился. Отец-охотник в тайгу на зверя ушёл — тоже не вернулся.

Идэ взяла к себе бабушка — Имъял-Пая звали её.

Идэ большой мальчик стал, а всего боится. Никуда от бабушки не отходит, за бабушкин подол держится.

Думает бабушка: «Как отучить Идэ всего бояться, чтоб Идэ на рыбалку ходил, на зверя ходил, смелым охотником стал?»

Кедровым орехам урожайный год пришёл. Совсем спелые орехи стали — можно собирать итти.

Бабушка Имъял-Пая говорит Идэ:

— Пойдём, Идэ, орешки собирать.

— Пойдём, бабушка!

Бабушка в лёгкую долблёную лодку села, Идэ усадила, ружьё положила, лодку толкнула — и поехали.

Ясный день был. Солнышко светит. Тайга тихонько шумит. Тым-река от песчаной отмели до отмели бежит.

Три песка бабушка с Идэ проехали, на берег вышли, на гору поднялись, в тайгу пошли.

В тайге птицы поют. Далёко слышно — кедровка стучит, орехи из шишек выбирает.

Стали бабушка с Идэ орехи собирать. Кедры высоко головы подняли, в ветвях шишки спрятали. Старая Имъял-Пая колотушкой сучок ударит — шишки сами падают.

Полную лодку орехов насыпали, домой собрались. Бабушка одну берестяную кошелку с орехами на горе оставила.

— Ох, Идэ, кошелку забыли! Сбегай принеси.

Идэ на гору побежал. Видит, лежит кошелка, а рядом с ней ружьё.

Идэ с горы глядит — бабушка оттолкнула лодку от берега и уехала! Идэ кричать стал, плакать стал:

— Зачем ты оставила меня, бабушка?..

Имъял-Пая даже не оглянулась ни разу — сильно гребла веслом, и скоро лодка ушла совсем.

Идэ один в тайге остался. По берегу бегать начал, искать, где бы спрятаться. Искал, искал — дупло нашёл. Залез в дупло, клубочком свернулся, лежит тихонько. Ружьё к себе прижал.

Солнце спускаться стало, ветер подул, дождь по-

шёл. Тайга шумит. Кедровые шишки падают, по дуплу стучат.

Идэ страшно стало. Думает — звери пришли, съедят его.

Со страху Идэ кричать стал:

— Всего съешьте, но только голову не троньте!

А его никто и не трогает. Только стук кругом идёт — шишки падают. Он ещё крепче ружьё к себе прижал.

Сколько ни боялся Идэ — заснул потихонечку. Сколько ни спал — пробудился. Смотрит, светло стало. Солнце высоко. Птицы поют. Тайга тихонько шумит.

Идэ сам себя щупать стал. Цел ли?

Левую руку протянул — здесь рука. Правую руку протянул — здесь рука. Идэ из дупла выскочил, на ноги встал. Смотрит, кругом шишки напали. Ой, сколько шишек!

Идэ стал шишки собирать и страх позабыл. Немого бояться!

Большую кучу шишек собрал Идэ. На берег посмотрел, видит — бабушка Имъял-Пая приехала. Идэ бабушке руками замахал, кричит:

— Зачем меня одного оставила?

Бабушка ему говорит:

— Не сердись, Идэ. Ты — человек. Тебе никто ничего сделать не может. Человек — везде хозяин. Теперь ты ничего бояться не будешь.

Подумал Идэ: «Правду говорит бабушка: не надо бояться».

Помирился Ёдэ с бабушкой. Опять стали орехи собирать. Опять лодку полную набрали. Домой поехали.

Тым-река от песка к песку бежит. Высоко солнышко светит. Тайга тихонько шумит.

Хорошо!

С тех пор Ёдэ бояться перестал. Куда захочет, один идет.

Так бабушка Имъял-Пая своего внука Ёдэ бояться отучила.

Год за годом время прошло. Вырос Ёдэ. Стал охотником, самым смелым охотником стал.

МАЧЕНКАТ

Давно́ это́ было́.

Жили́ брат с сестро́й. Отца́ и ма́тери не по́мнили —
одни́ в тайге́ вы́росли.

Сестра́ до́ма пи́щу гото́вила, а брат на зве́ря охó-
тился. Подошла́ порá охóтничья — брат в тайгу́ со-
бра́лся итти́.

Брат сестре́ на́казывал:

— Маченка́т, е́сли го́сти бу́дут, ты хорошо́ встре-
чай. Бурундучо́к приде́т — накорми́, со́ро́ка приле-
ти́т — накорми́.

Брат уше́л. Сестра́ из ме́ха шу́бу шить началá. Ра-
ботала, работала — ни со́ро́ка не прилетéла, ни бурун-
дучо́к не пришёл: медвёди́ца пожа́ловала. В дом во-
шла́ — поклони́лась.

Маченкát испугáлась, к пéчке подскочíла, золы схватíла, звéрю в глазá брóсила. Медвéдица лапой прикрýлась, заревéла, по дорóжке, по какóй брат ушёл, побежáла.

Снег тáять нáчал. Сестрá брáта ждёт. Сегóдня ждёт и зáвтра ждёт. На край сухóго болóта вышла. Вíдит — вíхорь-снег вдали́ поднимáется, бóдто брат идёт навстрéчу. Дúмает: «Сёрдится, вíдно, на меня́ брат!» Смóтрит, а вíхорь пропáл, брáта не вíдно. Пождалá-пождалá — повернóла лыжи наза́д, пришлá домóй. Вéчер прошёл, ночь прошлá, а брáта и úтром нет.

Живёт Маченкát дáльше. Снег совсём сходíть нáчал. Снóва она́ лыжи надева́ет, отпра́вляется брáта встречáть. На болóто вышла — опя́ть то́ же вíдит: брат навстрéчу идёт, снег-вíхорь вверх поднимáется. Маченкát подúмала: «Пусть сёрдится брат, пойду́ встречáты!» Дохóдит до тогó мéста, где вíхорь поднимáлся, а брáта здесь нет, как не бывáло. Лыжня, где он шёл, заровня́лась, а по ней медвéдь прошёл.

Сестрá по медвéжьему слéду пошла́. Дошла́ до кра́я тайги́ — сто́ят на́рты брáта, а егó нет нигде́. Брат, вíдно, домóй шёл и с медвéдем встрéтился. Сестрá реши́ла — искáть на́до брáта.

Вéчером себе́ котóмку сде́лала. Всю ночь не спалá. Утром рáно на úлицу вышла. Лыжу взяла́, брóсила к верхóвью реки́. Лыжа катíться не стáла, перевернóлась.

«Тудá дорóги мне нет, — подúмала сестрá. Лыжу

книзу бросила, к устью. Туда лыжа покати́лась. — Вот куда итти́ надо!»

Маченкát на лыжи стáла и пошла́ по тому́ пути́, куда лыжа покати́лась.

Дóлго ли, кóротно ли шла — вечерняя порá подхóдит. Дровá заготовля́ть для костра́ время настáло. Переночевáть надо.

Маченкát пней гни́лых натаска́ла. Для растóпки пень берёзовый сломить́ надо. Сломáла пень — из-под него́ лягу́шка выскочила.

— Ах, какáя бедá! — закричáла лягу́шка. — Ты мою́ избú сломáла, хочешь меня́ заморóзить?

Дéвушка ей говорит:

— Сломáла — поправлю. Я ведь не зна́ла, что тут твой дом...

— Давáй вмéсте ночевáть, — говорит лягу́шка, — сёстрами бóдем. Я сейчáс костёр разведú, вóду вскипачú, еду́ приготóвлю.

Занялáсь лягу́шка дéлом. Дéвушка смóтрит — сы́плет лягу́шка в котёл гнилу́шки! Говорит дéвушка:

— Не бóдем гнилу́шки есть. Мясо свáрим. У меня́ запáс есть.

Согласилáсь лягу́шка:

— Давáй мя́со есть.

Свари́ли úжин, поéли. Легли́ спать. Утром лягу́шка говорит:

— Давáй поменя́емся на время́ оде́ждой и лы́жами!

Девушка лягушкины лыжи-голицы надела, шубу дырявую надела, а лягушка её лыжи, мехом подбитые, и соболью шубу взяла. Пошла девушка, а лыжи и не катятся. На таких сроду не ходила. Не умеет ходить на лыжах-голицах — падает. Насилу догнала лягушку.

Лягушка радуется:

— Ой-ой-ой, какие лыжи у тебя! Сами катятся!

Маченкат говорит:

— Ох, какие худые у тебя лыжи! Я все руки поцарапала. На гору не могу взобраться на них.

Тут они снова поменялись всем. Лягушка свою шубку надела, а девушка — соболью шубку.

Лягушка говорит:

— Ты, девушка, для подружки ничего не жалеешь. Срок придёт, я за это заплачу тебе.

Сварили они обед. Поели и пошли дальше.

Долго ли, коротко ли шли, слышат — где-то лес рубят. Они ближе подходят. Видят — люди город большой строят. Лягушка сказала девушке:

— Сейчас нас женихи встретят. С золотыми подвязками мой жених будет, с ременными подвязками — твой жених.

Девушка лягушке отвечает:

— Что ты, сестричка, говоришь? В незнакомое место пришли, какие здесь женихи нам с тобой?

К берегу подходят, а два парня навстречу им: Кана и Колькет.

Кана человек умелый был, знал всё и всё мог сде-

лать. Дѣвушка смѣтрит на Кána. На нѣм не золотыѣ подвѣзки, а из черѣмуховой лычки. Кána лягúшку зá руки взял, и тут она в дѣвицу-красáвицу превра- тѣлась.

Колькѣт к Маченкát подошѣл, поклонѣлся ей. Гла- зá голубыѣ, кúдри выúтся кóльцами.

Колькѣт дѣвушку Маченкát тóже зá руку стал брать:

— Я давно тебя ждал!

Она рúку отдѣрнула:

— Что ты! Что ты! Никтó меня срóду зá руку не водѣл. Самá я сюда пришлá и на гору самá тóже пойду.

Колькѣт всё-таки помóg ей на гору взойтѣ. Им лю- ди навстрѣчу вышли, много нарóду. Утром стáли свáдьбу готóвить, столы постáвили. Весь нарóд на прáздник собрали. Пир был большóй.

Дóлго ли, кóротно ли онѣ жѣли, — снег растáял. С реки лёд унеслó.

Говорѣт Маченкát Колькѣту:

— Нáдо съездить на родnúю стóрону, брата поис- кáть.

Собрались Колькѣт с женой и Кána со своей женой. Сдѣлали лóдку крытую. На рóдину Маченкát поѣхали по рекѣ. Кána говорит:

— Пока своего не добьѣмся — искáть бóдем.

Много ли, мáло ли ѣхали, вдруг увидáли онѣ — несѣт по рекѣ щѣпки свѣжие. Подумали: «Ктó-то нóвый дом пострóил». Ещѣ немнóго проѣхали, увидáли — на

вершинне кедра сидят медвежата маленькие, делят шишки кедровые.

Слышат — спорят медвежата. Большой говорит: «Я свои шишки тете отдам», а маленький говорит: «А я дяде отдам». Потом с кедра скатились на землю, к берегу подбежали, о землю ударились — ребятishками стали, закричали:

— Дядя, тетя, нас в лодку посадите!

Кана говорит:

— Нашли мы детей твоего брата, Маченкат, скоро найдём и его.

Посадили ребят в лодку, поехали дальше. Вот старший и говорит:

— Тетя, мама сильно рассердилась, когда услышала, что ты едешь. Отец не сердится. Он дома вас будет встречать, а мама медведицей будет. Ты только не бойся, подходи. Что у тебя есть, с тем и кланяйся ей.

Увидали они дом на берегу — брат Маченкат у входа их встретил. Обрадовался, всех в гости позвал. Через несколько времени в избу медведица вошла.

Маченкат вынула шёлку большой кусок, медведице поклонилась: «Прости меня!», сказала и шёлком накрыла её. Медведица на улицу вышла. Стряхнула с себя шкуру — женщиной стала. В избу вошла — словами не рассказать, какая красавица. От волос и бровей будто серебро сыплется. Смотрит Маченкат: у жены брата щека одна обожжена. Догадалась Маченкат, говорит ей:

— Разве я бросила бы золой в тебя, если бы знала? Брат сказывал: бурндучок придёт — накорми; сорока прилетит — накорми. А ты не бурндучком, не сорокой — медведицей пришла.

Тут они помирились, поцеловались.

Брат сказал ей тогда:

— Есть в тайге закон: кто другом в гости придёт, всегда хорошо встречай. На дружбе мир держится.

Тут начался у них пир. Всего было много: оленина была, сало лосиное и рыба.

Долго пировали!

38024

СОДЕРЖАНИЕ

Скáзка жы́зни	5
Йдэ	18
Маченкáт	23

~~8983~~

03к

100=

Цена ~~30~~ коп.

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Ответственный редактор Г. Кэримова. Художественный редактор П. Суворов.
Технический редактор Т. Добровольнова. Корректоры Е. Вильтер и
А. Враныч.

Сдано в набор 9/V 1950 г. Подписано к печати 8/VIII 1950 г. Формат
65 × 90¹/₁₆ = 1,125 бум. — 2,385 печ. л. (1,25 уч.-изд. л.). Тираж 75 000 экз.
Л06705. Заказ № 647.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сушевский вал, 49.

87